

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И.Н. Сиземская

Н.В. СТАНКЕВИЧ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются общественно-философские взгляды Н.В. Станкевича, развиваемые им в контексте идей эстетического гуманизма, его влияние как духовного лидера своего поколения и руководителя философского кружка, оставившего значимый след в истории отечественной культуры. Параллельно в статье даётся анализ культурно-интеллектуальной ситуации 30-х-40-х годов XIX века, её оценка как нового этапа российского просвещения, связанного с ростом национального самосознания и активизацией интереса к европейской общественно-философской мысли и одновременно к философским исканиям, диктуемым желанием объяснить место и роль России в европейской истории. Автор показывает, что формой существования философского сообщества в это время были литературно-философские кружки, а кружок Станкевича был центром общественно-философских изысканий. Многие идеи, родившиеся в лоне кружка и те, автором которых был сам Станкевич, получили концептуальную разработку в следующие десятилетия. Это — признание методологической роли философии для всего знания, интерпретация прогресса как бесконечного духовно-нравственного совершенствования человечества, идея целостности восприятия мира, синтеза понятийного знания и живого созерцания, толкование опыта как жизненно-интуитивного постижения бытия, значимость нравственных принципов в устройстве мироздания. Именно они определили главные направления развития отечественной философской мысли. Всё это, считает автор статьи, позволяет рассматривать Станкевича как знаковую фигуру своего времени.

Ключевые слова: эстетический гуманизм, философия, метафизика, «премудрая благодать», разумение, секуляризм, идея личности, искусство, философская поэзия, «нераздробленное знание».

В Станкевиче ...отразилась юность
одной эпохи нашего
развития: он как будто собрал и совокупил
в себе лучшие
нравственные черты, благороднейшие
стремления
и надежды своих товарищей.
(Н.Т. Грановский)

1. «Образованное меньшинство», не желавшее молчать

Чтобы понять историческую значимость фигуры Н.В. Станкевича, в 27 лет ушедшего из жизни и оставившего после себя не очень большое философско-литературное наследие — три десятка стихотворений,

историческую трагедию «Василий Шуйский», написанную им в 16 лет, с посвящением А.А. Писареву, председателю Общества Российской Словесности при Императорском Московском Университете, тираж которой автором был куплен и уничтожен, и несколько рукописных набросков статей философского характера («Моя метафизика», «Об отношении философии к искусству»)¹, надо учитывать особенности духовно-

¹ Всё наследие Н.В. Станкевича заняло небольшой том, изданный при участии П.В. Анненкова с изложением его биографии в 1858 г. и переизданный в 1890 г. (без переписки). Эти издания обострили интерес к его памяти. Но только в 1990 г. на роде Станкевича в Белгородской области был открыт ему памятник в здании реконструированной бывшей земской школы, построенной в 1908 г. на средства его друга Я.М. Неврева. В Москве одна из её улиц (сейчас это

интеллектуальной ситуации его времени, т.е. 30-х — 40-х годов XIX в. Это была эпоха «возбужденности умственных интересов» (Герцен), знаменовавшая новый этап российского Просвещения, развившегося на базе роста национального самосознания, активизированного войной 1812-1814 гг., непосредственным знакомством российского общества с европейскими образом жизни, культурой и общественно-философской мыслью. Для отечественных интеллектуалов открылись широкие возможности непосредственно окунуться в духовную атмосферу Европы, дополнить полученное образование стажировками в её старейших университетах, ознакомиться с новейшими образцами философской мысли — идеями Шеллинга, Фихте, Канта, Гегеля, которые завораживали, увлекали, притягивали глубиной философской рефлексии. Всё это бесспорно влияло на утверждавшийся способ философствования, порой ученический и потому отличавшийся тяготением к свободному изложению своих взглядов, направленность разработки классической философской проблематики, на интерес, иногда излишне пристрастный, к собственно российским вопросам, окрашенный желанием объяснить отношение России к Европе и её место в европейской истории. Но сила усвоенных западных идей выражалась не только в том, что они «вели за собой», а и в том, что побуждали к собственным изысканиям, которые преломляясь через призму духовной жизни страны, определили свой способ философствования. Характерной чертой последнего стал уход от построения жёстких логических систем, тяготение к свободному изложению своих взглядов в жанре публицистики и литературной критики. — И уже по одному этому собственные философские изыскания осуществлялись в *новаторском ключе*. В общем, ученики очень быстро определили вехи собственного пути интеллектуального развития. Как вспоминал П.В. Анненков, в 30-40-е годы русский общественный мир как бы проснулся, «внезапно почувствовал невозможность жить в том растерянном умственном и нравственном положении, в каком оставался дотоле. Общество уже не слушало приглашения отдаться просто течению событий и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несёт его ветер»².

Важнейшей составляющей усвоения западно-европейских идей молодыми умами стал рост национального самосознания, поставивший проблему выработки внутренних смыслов (политических,

культурных, исторических) развития России. Пробуждённое к мысли новое поколение принялось искать основания разумного, европейски-цивилизованного существования (своего личного и страны) при сохранении своей национальной идентичности. Более того, утверждается концептуально оформленная любомудрами (Д.В. Веневитиновым, В.Ф. Одоевским, И.В. Киреевским), мысль о том, что Россия может быть связующим звеном между дряхлеющим Западом и просыпающимся к жизни Востоком, что, участь на чужом опыте, Россия способна дать ответы на вопросы, выстраданные и поставленные народами, возглавлявшими до сих пор исторический процесс. Даже П.Я. Чаадаев, автор эпатажного «Философического письма», обосновывающего идею о том, что всемирное воспитание как бы обошло Россию стороной, писал в 1835 году И.С. Тургеневу: Россия, если только уразумеет своё призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы»³. Чуть позже В.Ф. Одоевский сформулирует идею более развёрнуто и категорично, уже без условного «если». «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего, — утверждал он в философском романе «Русские ночи», — мы новы и свежи, мы непричастны преступлениям старой Европы <...> Не бойтесь братья по человечеству, нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его и Вы в том уверитесь; вы найдёте у нас частью ваши же силы, сохранённые и умноженные, вы найдёте и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами»⁴. Идея о культурном призвании России потеснит идею о богоизбранности русского народа: история призывает Россию стать впереди всемирного просвещения», Россия нужна миру для спасения мира. И потому XIX в. принадлежит России!

Эти поиски составили содержание времени, вошедшего в историю отечественной культуры под именем «эпоха сороковых годов», подготовившего почву для последующего духовного и социально-политического развития страны.

На таком культурном фоне, и во многом инициированный им, сформировался новый, соответствующий времени, субъект национального само-

Вознесенский переулок) с 1922 по 1993 гг. носила имя Станкевича.

² Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 216.

³ Чаадаев П.Я. Собрание сочинений. М., 1989. С. 377. В «Апологии сумасшедшего» он выскажется определённое: «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». (Там же. С. 150).

⁴ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 182.

сознания. Им стало «образованное меньшинство» (Герцен), которое не желало больше молчать. Именно оно сделало для России то, без чего невозможно появление *рефлектирующего субъекта национальной идеи*, т.е. развитие национального самосознания на уровне *социально-культурной задачи времени*. Начала формироваться та национальная идентичность, основанием которой является осознание своей принадлежности не только к своей культуре, но одновременно к истории и культуре всего человечества, иными словами, начало формироваться *позитивное самосознание нации*, при котором индивидуальное находит адекватные своим особенностям формы жизни во множестве, в общечеловеческом⁵. Национальное самосознание переходило на новый виток исторического развития: стало прорисовываться осознание принадлежности к своей нации как к достойной и соравной европейской цивилизованности.

В это, значимое для истории отечественной культуры время, философия приняла на себя роль глашатая и проводника национальных ценностей. Поэтому в среде интеллектуалов настойчиво выдвигается мысль о необходимости построения собственной философии. С развитием отечественной философии, и прежде всего историософии (социальной философии), которая традиционно соотносилась с той областью знания, предметом которой являются смыслы и общие основания исторического процесса, связывался процесс осознания себя в качестве представителя самобытной культуры.

Под влиянием этих изысканий и настроений в общественном сознании, в мировоззрении, в коллективной психологии, в этике повседневного поведения утверждались черты ментальности, определившие национальные особенности русского народа на долгие годы. А общим для всех проявлений духовного творчества стало «философское беспокойство» (Флоровский). Так, для *литературной прозы* явной становится философская интенция, выводящая за событийные рамки, обращающая к высшим жизненным смыслам — тайнам жизни и смерти, божественного и земного, свободы и необходимости, праведности и порочности. Даже названия, вошедших в литературное наследие произведений — «Отцы и дети», «Мёртвые души», «Война и мир», «Бесы», «Преступление и наказание» — наводили на философские размышления.

⁵ Позитивное национальное самосознание как «положительное всеединство», когда единое существует «не насчёт всех или в ущерб им, а в пользу всех» (Вл. Соловьёв).

«Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах. — отмечал С.Л. Франк, — а в совершенно иных формах. <..> Собственно литературной формой русского философского творчества является свободное литературное произведение»⁶. Русская литература была постоянно обращена к тем вопросам, которыми бредили русские интеллектуалы, заражённые бациллой философствования. Именно этой «болезни» литературное творчество обязано и мифологемой «лишнего человека», и «Легендой об инквизиторе», и экзистенциалистским воспроизведением современности, и темой «маленького человека», и многими образами-символами нашей духовной культуры. При этом философия не только инициировала литературные поиски, но и служила своеобразной «магнитной стрелкой» (Киреевский) в определении, в выборе их направления. *В поэзии* к этому же времени утверждается особый жанр — философская лирика (Д.В. Веневитинов, А.А. Баратынский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырёв, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев), демонстрировавшая наличие внутренней, интимной связи между философией и поэзией, невозможность провести между ними разделение, существование духовного родства между художником и мыслителем, и главное, что человеческому видению мира свойственно *единение предметно-образного мышления с философской рефлексией*⁷. Интеллектуальное творчество стали рассматривать в единстве, а чувство — как необходимый корректив отвлечённой деятельности разума. Утверждается признание, что художественному чувству открывается то же содержание бытия, что «добывается» как истина мышления, что эстетика есть область философского знания. Позже идея нашла философское обоснование в учении о всеединстве у Вл. Соловьёва, у С.Л. Франка, И.А. Ильина, Д.С. Мережковского. *Литературная критика* (В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, А.И. Герцен, С.П. Шевырёв, И.В. Киреевский) давала в это время образцы философского и одновременно литературоведческого анализа художественных произведений, воспринятого и продолжено С.А. Андреевским, В.Ф. Саводником, П.П. Перцовым *Историческая мысль*

⁶ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб, 1996. С. 163.

⁷ Восхищённый эмоциональной окрашенностью, в которую были облечены умозрительные построения в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева, М.О. Гершензон писал: последние «должны быть отнесены к области словесного творчества наравне с пушкинской элегией или повестью Толстого». (Гершензон О.В. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 151).

(Т.Н. Грановский, А.С. Хомяков) обнаружила свою близость к историософской проблематике, понимая свой предмет как жизнь человечества в его развитии. *Русская публицистика*, ещё в XVIII в. ставшая философским жанром, заняла место посредника между философией и всеми видами духовного творчества. Не случайно русская философская мысль всю первую половину XIX в. развивалась на базе «толстых» литературно-общественных журналов — «Мнемотизина», «Европеец», «Москвитянин», «Телескоп», «Современник», «Отечественные записки», в которых статьи философского содержания, как правило, принимали форму рассуждений «по поводу» — просвещения, отношения разума и веры, европейской культуры, мировой истории и т.п. Можно сказать, что философское видение мира становилось интегрирующим основанием общественной мысли во всех её проявлениях, а философия системообразующим фактором смыслового пространства, в котором осуществлялось развитие культуры⁸.

Решающую роль в этот период истории отечественной культуры играли литературно-философские кружки, по сути именно они были формой и способом существования секулярного философского сообщества⁹. И это вполне объяснимо: устная форма обмена мнениями по разнообразным, в том числе философским, вопросам традиционна для России. Устное творчество, дополнявшееся эпистолярным, выполняло те функции, которые на Западе обычно исходили от философских трактатов, распространявшихся средствами печати. Широко практиковавшийся в средние века эпистолярный жанр сохранился и в Новое время, особенно в первой трети XIX в. — Вспомним вошедшие бесценным вкладом в духовно-культурное наследие XIX в. «Философические письма» П.Я. Чаадаева, переписку Т.Н. Грановского, К.С. Аксакова, М.А. Бакунина, И.А. Герцена, И.С. Тургенева, самого И.В. Станкевича, в центре эпистолярного жанра были вопросы метафизики, историософии, истории европейской философской мысли, её новейшие образцы. Особенности культурной ситуации первой трети XIX в., сохранившие и приумножившие эту традицию, предмет отдельного

разговора. Для нашего рассмотрения проблемы важна констатация этого факта как особенности эпохи, позволяющей адекватно оценить фигуру Станкевича в качестве *знаковой фигуры* своего времени. — Он был организатором и духовным лидером кружка, работа которого неотъемлема от культурной жизни страны того времени, а его участники (В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, К.С. Аксаков, И.С. Тургенев, М.А. Бакунин) вписали своим творчеством золотые страницы в историю отечественной культуры. Именно в этом качестве Станкевич приобрёл общественное признание. По оценке современников, кружок, живший в атмосфере свободного творчества, был не только проводником новейших идей западноевропейской философии, этики и эстетики, что само по себе сыграло положительную роль в развитии отечественной художественной культуры, но был центром, из которого исходило главное умственное течение первой трети XIX в. По словам Герцена, в нём вызрела Россия будущего. Под его влиянием сформировалось замечательное поколение, умственная и нравственная жизнь которого положила начало дальнейшему социальному и духовному развитию страны. Кружок, руководимый Станкевичем, сравнивали с подземным ключом, о существовании которого свидетельствует роскошная зелень.

Через всю свою жизнь поколение Станкевича пронесло благодарную память о нём. «Он унёс с собой что-то необходимое для моей жизни, — писал Грановский. — Никому на свете не был я так обязан: его влияние на меня было бесконечно и благотворно»¹⁰. И это сказал человек, сам ставший знаковой фигурой своего времени. Велико было не только интеллектуальное влияние Станкевича, но и его удивительные личностные качества. Он был, по оценке многих его современников, живым идеалом правды и чести, нравственной чистоты и гуманности в общении с людьми. В нём слилось всё прекрасное, что было рассеяно в толпе окружавших его людей. Сам о себе он сказал просто:

Я дружбе чистые объятья
От сердца чистого открыл;
Все были мне друзья и братья,
И я всегда им верен был.
(«Утешение»)

⁸ См.: Сиземская И.Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2010. № 5.

⁹ Конечно, не стоит приуменьшать значение и многочисленных для того времени периодических журналов и Альманыхов, предоставлявших свои страницы для публикации философских рефератов, эссе, переводов из западной философской мысли. Станкевич, начиная с 1829 г., печатался в «Атенее», «Телескопе», «Северных цветах», «Молве», «Деннице», «Сыне отечества». К сожалению, порой без своей подписи.

¹⁰ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 404. Заметим, что познакомились они только в 1836 г., т.е. за четыре года до смерти Станкевича. Но очень долго никто, как Грановский, не сохранял на себе нравственного сходства с ним в поступках, в направлении и способах выражения своих мыслей.

Это поэтическое признание может быть эпиграфом ко всей его недолгой жизни.

2. Кружок Станкевича: исходные идеи философских поисков

Кружок Станкевича, возникший после роспуска Общества любителей (1826 г.), существовал одновременно с кружком Герцена-Огарёва. Участниками обоих кружков были студенты Московского университета, который, находясь в преддверии будущих перемен, начиная с 30-х годов начал играть исключительную роль в духовной жизни России. С Московским Университетом этого времени связано появление студенчества нового типа, воспитанного на лекциях молодых профессоров (М.Г. Павлова, Н.И. Надеждина, С.П. Шевырёва, М.П. Погодина), внёсших в университетское преподавание дух новаторства, сумевших возбудить у своих слушателей интерес к исчезнувшим после 1826 года из учебных курсов вопросам метафизики и историософии. Так, Павлов включал в свой курс по естественнонаучным дисциплинам Введение к философии, Надеждин, читавший теорию и историю изящных искусств, завершал свой курс лекциями по логике; по-новому читал историю Погодин, в ином ключе преподавал историю русской словесности Шевырёв. К середине 30-х годов выросло образованное поколение, знакомое с философией Шпенглера, Фихте, Канта, Гегеля, почитавших Гёте, Шиллера, Шекспира. (В.Г. Белинский в течение 1937 года десять раз смотрел шекспировского «Гамлета», воспринимая его монологи, как обращённые лично к нему.). Многие в своём стихотворчестве отдавали дань философской лирике, видя в ней жанр, позволявший в поэтической форме «согласия ума и сердца» ответить на вопросы об устройстве мироздания, о миссии поэта, о роли человека в истории. Вспоминая в 1846 г. это время, В.Ф. Одоевский вспоминал, что его юность протекала в эпоху, когда метафизика была общей атмосферой, а у молодого поколения сформировалось отношение к философии, близкое к религиозному. П.В. Анненков писал, что, кто не был «исполнен философским содержанием» весь, до мыслей, определяющих жизненные поступки, тот не считался истинным интеллектуалом. Молодые интеллектуалы не просто интересовались, но жили философскими вопросами, которые, не заслоняя собой других вопросов и интересов, приучали ум искать законосообразность и разумность для каждого явления в окружающем мире.

Кружок Станкевича в отличие от кружка Герцена-Огарёва наследовал философские увлечения и проблематику Любомудров. В нём доминировал интерес к вопросам метафизики и проблеме человека, стремление объяснить смысл человеческого бытия, предназначение человека в истории преобразования мира по пути его духовно-нравственного совершенствования¹¹. Преобладающее направление работы кружка, в отличие от кружка Герцена-Огарёва, нацеленного на социальную проблематику и учения французских утопистов, было связано с изучением немецкой философии — сначала Шпенглера, затем Канта, Фихте, на более позднем этапе Гегеля. Герцен вспоминал: «им не нравилось наше почти исключительно политическое направление, нам не нравилось их почти умозрительное. Они считали нас фрондёрами и французами, мы их сентименталистами и немцами»¹². Но и те, и другие принадлежали к поколению либералов-идеалистов, были «птенцами гнезда Петрова», т.е. детьми русского Просвещения, испытали влияние идей декабристов. Оба кружка составили основу будущего западничества в российской общественной мысли и литературе (В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, Н.П. Огарёв, А.И. Герцен, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, А.П. Анненков.) Они сделали то, без чего невозможно развитие национального духа и общественной мысли, пробудив в своём поколении «мысленное любопытство» к вопросам собственной истории, народу и их историософскому осмыслению. В них отразилась молодость прекрасной эпохи отечественной культуры, точнее её «славного десятилетия», о котором с благодарностью и восхищением говорили и говорят до сих пор её почитатели. Герцен, сравнивая российское общество перед 1812 годом с тем, которое он оставил в 1847 году, писал: тогда было общество недовольных, отправленных на покой, теперь есть общество независимых. Кружок сохранял выбранное им направление и влияние на молодые умы и после того, как Станкевич был вынужден уехать за границу на лечение. И это зна-

¹¹ «Станкевич и друзья его, — писал Анненков, — жили в блаженных Елисейских полях умозрения, где все предметы земного мира вращались просветлённые, в бесплотной оболочке мысли, и юные мыслители выходили оттуда за тем только, чтобы бороться с грубым, материальным отношением вещей». (Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857. С. 143).

¹² Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Соч.: в 8 т. М., 1975. Т. 5. С. 99.

менательно: дело его жизни продолжало жить¹³. Как вспоминал И.И. Панаев, над кружком незримо парила тень Станкевича и каждый благоговейно вспоминал о нём.

Если говорить о концептуальных основах мировоззрения Станкевича, определивших основные направления его философских поисков (и деятельность руководимого им кружка), то необходимо отметить следующее. Прежде всего надо сказать, и это, наверное, главное, что со Станкевичем связано дальнейшее развитие школы русского Просвещения в форме *секуляризма*, т.е. идеологии внецерковной интеллигенции, основным принципом которого был эстетический гуманизм. В.В. Зеньковский, характеризуя это направление, подчёркивал, что всем его представителям было свойственно «сочетание веры в прогресс с энтузиастическим поклонением красоте и искусству», рождавший тот оптимизм и действенный идеализм, который насыщал эту веру чувством ответственности за отечественную историю и исканием путей к активному вмешательству в её ход¹⁴. Жизнь в целом и в каждом из своих проявлений, считал Станкевич, сопряжена с *Разумением*, ибо своим вектором имеет стремление к целесообразности. Поэтому человек как венец всего существующего не потерял в бесконечности её творений, он может возвышаться над видимым миром, *восходить* к Разумению, познав его законы и приняв (провидя) его цели¹⁵. Таков закон «*воли жизни*», которая не определена ничем, следовательно, свободна, но не отступает в своём протекании от вечных законов, следовательно исходно детерминирована. «Воля жизни», таким образом, есть одновременно *свобода и необходимость*. (В этом тезисе очевидно просматривается идея гегельянской философии, как столь же очевидно угадывается и стремление истолковать идею в своей системе понятий.) Но если жизнь человеческая есть Разум и Воля, то она есть и Чувство. «Разум, воля, чувство — три действительных направления человеческой жизни, которые она переносит в жизнь всеобщую»¹⁶. Поэтому

история человеческого рода развёртывается как его *воспитание*. Суть же последнего связана с движением в направлении развития свойственного человеческой природе «*предчувствия чего-то высшего*», с которого, считал Станкевич, начинается и продолжается развитие человека как духовного существа.

Своеобразной и перспективной в плане дальнейшей теоретической разработки и сопряжения с философскими проблемами, стало осмысление Станкевичем смысла и сути живого. Их он связывал с непрерывным творчеством, интерпретируемом в качестве движения через взаимообусловленность и взаимосвязь рождения и гибели. Этот «круговорот» осуществляется в соответствии со своими законами. — «Одна и та же жизнь развивается в различных видах одинаково, но по своим законам. В каждом неделимом жизнь эта действует независимо от него, всегда почти без его сознания и всегда без его воли, повинуюсь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны, следовательно, составляют сущность её»¹⁷.

На путях секуляризма важнейшей вехой философских изысканий Станкевича стало обоснование им силы философской рефлексии. Ей он придавал решающее значение в развитии познания, считая философию не наукой в ряду других наук, а важнейшим их основанием. «Я не думаю, — писал он, — что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, но она приближает к их решению: она зиждет огромное здание, она показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его»¹⁸. На этом концептуальном основании, продолжая обозначенное любомудрами направление, он строит своё обоснование *целостности восприятия мира*, «*нераздробленного познания*», синтезирующего понятийное знание и прямое живое созерцание. Способность к такому синтезу, был уверен Станкевич, есть вечное стремление человеческого Духа, как вечная потребность человека в каждое мгновение создавать всю полноту своей жизни. Сформулированный им тезис сыграл важнейшую роль в развитии гуманистического направления отечественной философии. В сфере гносеологии он долго будет сопрягаться с другим тезисом: истина достигается «умом чувствующим и переживающим», т.е. через экзистенциальное включение человека в познавательный процесс. Такой ум восполняет ограниченность понятийного мышления возможностями творческого созерцания, образного восприятия мира.

¹³ После отъезда Станкевича руководителем кружка становится В.Г. Белинский, который продолжал дело Станкевича. В его кабинете среди портретов людей, почитаемых им, был портрет Станкевича. С отъездом Белинского в Петербург, кружок как бы раздвинул свои географические границы. В 1840 г. произошло сближение Белинского и Герцена, а с этим и представляемых ими кружков.

¹⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 241.

¹⁵ Станкевич Н.В. Моя метафизика // Станкевич Н.В. Стихотворения. — Трагедия. — Проза. М., 1980. С. 150-151.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 199.

¹⁸ Станкевич Н.В. Переписка. 1830-1840. М., 1914. С. 594.

Мысль Станкевича подводила к признанию фактически иного (отличного от утвердившегося в европейской философской мысли) понятийного опыта — как жизненно-интуитивного постижения бытия «в сочувствии и переживании». Можно сказать, это был, заявленный в новой форме, протест против универсализма как формы отношения к миру. — Протест, заметим, «озвученный» раньше, чем он прозвучал и был услышан на Западе, и на долго определивший типологические, национальные черты отечественной общественной мысли. Отмечая эту, ставшую через некоторое время специфической для русской философии, черту, Н.О. Лосский подчёркивал, что в ней стремление к цельному познанию тесно сочетается с верой во всё многообразие опыта — «как чувственного, так и утончённого», дающего возможность глубже проникнуть в суть бытия. (Такой же оценки придерживались Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк). В философскую рефлексию, таким образом, включалось живое созерцание, наполнявшее её конкретной предметностью. В итоге проблема познания интерпретировалась как проблема Бытия, в которое ценностные смыслы включались на правах его структурообразующих составляющих. Это делало нервом философствования вопрос о единстве всех доступных человеку форм деятельностного отношения к миру и толкало в иное смыслообразующее поле, что нашло конкретизацию в признании взаимодополняемости созерцания и мышления, умозрения и постижения. В своих истоках, повторим, идея связана с философскими поисками Станкевича и входивших в возглавляемый им кружок молодых интеллектуалов. Обоснование и философскую разработку она получит немного в учении И.В. Киреевского о «живознании», мыслителя того же поколения¹⁹. Киреевским идея была выражена предельно четко: «Отделённое от других познавательных сил, логическое мышление составляет естественный характер ума, отпадшего от своей цельности. Весь порядок вещей, происшедший вследствие этого раздвоенного состояния человека, сам собой влечёт его мышление к этой логической односторонности»²⁰.

Разделяя увлечения своего поколения философией Шеллинга, который рассматривал художественное творчество как высшую форму

знания, Станкевич отводил исключительную роль в познании мира искусству. Искусство, как предчувствие чего-то высшего, считал он, всегда живёт в неразрывной связи с Духом, переживая с ним его судьбы и соответственно исторические судьбы человеческого рода²¹. Именно поэтому оно (в частности превалирование его отдельных форм — архитектуры, скульптуры, живописи) всегда соответствует своему времени, совпадая с историческими этапами духовного развития человечества²². Поэзии в жанре философской лирики Станкевич, выражая общее отношение к ней, царившее в среде философствующей молодёжи 20-х — 30-х годов, придавал особое значение. Вслед за любомудрами, считавшими, что «философия есть истинная поэзия» (Веневитинов), он утверждал, что мысль и поэтическое творчество, находясь в гармонии, являются выразительницами всеобщности человеческого духа. Заметим, что сам Станкевич как мыслитель никогда не был исключительно философом, занимающимся отвлечёнными умозрительными построениями, как не был только почитателем искусства, пренебрегающим философской рефлексией. Можно сказать, он был естественен в обеих сферах и пребывал в каждой из них с равной свободой. Поэзия и мысль были для него теми двумя стихиями, которые каждая по-своему определяли, как его образ жизни, так и творчество, а вместе направленность всех начинаний и интеллектуальных поисков.

Н.В. Станкевич был из поколения последних романтиков: он считал, что в мире властвует «премудрая благость». Следуя исходным концептам фихтеанской философии (идее личности), он признавал значимость нравственных принципов в устройстве мироздания. Позже это признание, вызвав повышенный интерес к философской публицистике, найдёт выражение в обосновании принципа «переход мысли в действие» в качестве нормы социального поведения, ориентированного на переустройство мира. К Станкевичу восходит то тяготение к «панморализму», которое с исключительной силой прозвучит в русской общественной мысли через несколько десятилетий. — Настолько сильно, что Зеньковский, определяя специ-

¹⁹ См.: Сиземская И.Н. У истоков синкретической парадигмы // Философия и культура. 2008. № 12.

²⁰ Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 226.

²¹ «Человек по натуре своей, по назначению — общее духовное существо — всегда имел больше или меньше ясное сознание — по крайней мере предчувствование чего-то высшего, нежели все преходящие вещи, нежели он сам в своей единичности. С этого предчувствования начинается духовная жизнь человека». (Станкевич Н.В. Об отношении философии к искусству // Станкевич Н.В. Стихотворения. — Трагедия. — Проза. М., 1980. С. 179).

²² См.: Там же. С. 174.

фические черты русской философской мысли, отнесёт его к одному из основных их проявлений. Основанием этого тяготения было соединение веры в прогресс (в торжество справедливости) с поклонением красоте и искусству, воспитавшее в российской интеллигенции тот оптимизм и действенный идеализм, который на долгие годы станет её генетическим кодом.

Подводя итог, ещё раз отметим: историческое значение Станкевича определяется тем, что, будучи одарённой, яркой личностью своего времени, он, несмотря на свою короткую жизнь, был при-

знанным духовным лидером поколения, оставившего яркий след в культуре России XIX в., поставившего те вопросы, которые позже «проросли» в творчестве мыслителей, снискавших признание в качестве классиков отечественной философии. Его философские искания являются сегодня важнейшим источником, из которого мы черпаем адекватные и живые представления о русской общественной мысли в эпоху, ознаменовавшую её вхождение в Золотой век русской культуры, а России в жизнь на общечеловеческих началах.

Список литературы:

1. Александров Я. Идеалист 30-х годов XIX века (К 75-летию со дня кончины Н.В. Станкевича, 1840-1915). Казань, 1915.
2. Анненков П.В. Замечательное десятилетие // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960.
3. Воспоминания Б.Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1991.
4. Гершензон М. История молодой России. М., 1908.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. Ч. II.
6. Каменский З.Л. Московский кружок Любомудров. М., 1980.
7. Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990.
8. Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995.
9. Сиземская И.Н. Русская философия в поисках целостности исторического бытия (первая половина XIX века) // Философские науки. 2012. № 1.
10. Станкевич Н.В. Моя метафизика // Станкевич Н.В. Стихотворения. — Трагедия. — Проза. М., 1980.
11. Станкевич Н.В. Об отношении философии к искусству // Станкевич Н.В. Стихотворения. — Трагедия. — Проза. М., 1980.
12. Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857.
13. Сухов А.Д. Русская философия. М., 2012.
14. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб, 1996.

References (transliteration):

1. Aleksandrov Ya. Idealist 30-kh godov XIX veka (K 75-letiyu so dnya konchiny N.V. Stankevicha, 1840-1915). Kazan', 1915.
2. Annenkov P.V. Zamechatel'noe desyatiletie // Annenkov P.V. Literaturnye vospominaniya. M., 1960.
3. Vospominaniya B.N. Chicherina. Moskva sorokovykh godov. M., 1991.
4. Gershenzon M. Istoriya molodoi Rossii. M., 1908.
5. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii. M., 2001. Ch. II.
6. Kamenskii Z.L. Moskovskii kruzhok lyubomudrov. M., 1980.
7. Levandovskii A.A. Vremya Granovskogo. M., 1990.
8. Prilenskii V.I. Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov. M., 1995.
9. Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya v poiskakh tselostnosti istoricheskogo bytiya (pervaya polovina XIX veka) // Filosofskie nauki. 2012. № 1.
10. Stankevich N.V. Moya metafizika // Stankevich N.V. Stikhotvoreniya. — Tragediya. — Proza. M., 1980.
11. Stankevich N.V. Ob otnoshenii filosofii k iskusstvu // Stankevich N.V. Stikhotvoreniya. — Tragediya. — Proza. M., 1980.
12. Stankevich N.V. Peregiska ego i biografiya, napisannaya P.V. Annenkovym. M., 1857.
13. Sukhov A.D. Russkaya filosofiya. M., 2012.
14. Frank S.L. Sushchnost' i vedushchie motivy russkoi filosofii // Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie. SPb, 1996.